
Марина Ветрова ✦ Камила Левитан
Предательство жениха.
Ты украл компанию моего отца, а шейх вернул мне всё!
18+

Марина Ветрова

Предательство жениха. Ты украл компанию моего отца, а шейх вернул мне всё!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Предательство жениха. Ты украл компанию моего отца, а шейх вернул мне всё! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Мой жених украл у меня всё: семейную цветочную компанию, отцовское имя и право называться автором собственных работ.Его новая фаворитка уже заняла мой кабинет, а мне оставили долги и унизительную должность.Последний шанс — оформить роскошную свадьбу в Дохе. Но и там бывший собирается присвоить мои идеи.Я думала, что проиграла, пока влиятельный шейх Джассим не предложил мне доказать авторство перед всем дворцом.На кону — наследие отца, свобода и моё будущее.Только почему этот опасный мужчина хранит цветок из нашей старой оранжереи? И какую тайну он скрывает о последней воле моего папы?Любовь расцветает даже после самого жестокого предательства.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Подпись на чужом поле 5
Глава 2. Золотая клетка 9
Глава 3. Личный контракт 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Марина Ветрова, Камила Левитан
Предательство жениха. Ты украл компанию моего отца, а шейх вернул мне всё!

Глава 1. Подпись на чужом поле

Пахнет распакованными коробками и чужими духами. Сладко, приторно, с ванилью на выдохе — от этого запаха хочется открыть окно. Мой кабинет за эти три года пах бумагой, эвкалиптом и секаторной смазкой. Теперь он пахнет чужой женщиной.

Три года собирала этот кабинет — полку за полкой, папку за папкой, ножки стула обклеивала сама, когда отцы-основатели, то есть мы с папой вдвоём, экономили на всём, кроме цветов. А теперь в моём кресле сидит Вероника в кремовом костюме и крутит мою ручку в пальцах, постукивая колпачком по нижней губе. Ручку папа подарил мне на выпускной флористического училища — тяжёлую, с гравировкой. Обращается с ней так привычно, что хочется выхватить: положи, это папина.

— Софья, ты как раз вовремя, — она улыбается тем самым ртом, которым три месяца говорила мне «привет» через стол. — Мы тут с Глебчиком всё перераспределили. Ты теперь творческое направление, мы — управление.

— Творческое направление, — повторяю, оставаясь у двери. — Звучит как улица.

— Как подразделение, — она ставит ручку на стол, пододвигая вплотную к ежедневнику. — Не надо делать лицо. Всё осталось по-прежнему, теперь у каждого своя полочка. Удобно, сама увидишь.

За её спиной, на стене, где висела фотография отца с оранжереей — он там в резиновом фартуке поверх свитера, довольный, с секатором, как с наградой, — новенькая табличка. Лазерная гравировка, шрифт дорогой, который выбирал бы человек, ни разу не державший секатор: «Садовый дом „Гардения“, генеральный директор Г. В. Дорохов».

Фотографии нет. Мою фотографию отца сняли. Смотрю на четыре дырочки от кнопок в белой стене; стоит моргнуть, и они всё ещё перед глазами.

Прижимаю язык к нёбу, сдерживая крик. Мама всегда говорила: когда в доме чужой — не кричи, считай. Считаю, вцепившись в ремень сумки. Один — табличка. Два — ручка на чужом столе. Три — запах духов. На четырёх открываю рот:

— Где подпись отца?

— Какая разница? — Глеб входит за моей спиной, сначала обдаёт одеколоном, потом кладёт ладонь мне на плечо. Дорогой, смолистый запах — этот флакон он бережёт для переговоров. Сегодня переговоры у него со мной. — Соня. Пойдём поговорим.

Он тяжело, по-хозяйски давит мне на плечо. Так и ведёт по коридору, а мне приходится идти чуть боком, чтобы высвободиться из-под его локтя. По стенам — наши работы. Свадебный букет, для которого две недели подбирала сорта и сочетания, фото с выставки, где мы взяли золото, — всё висит как висело, только теперь это «его» коридор и «его» стены.

Говорим у окна в конце коридора, где когда-то расставляла тюльпаны к его дню рождения — тридцать четыре стебля, по одному за каждый год, он тогда поцеловал меня в макушку: «Ты — лучшее, что я выбрал». Теперь прислоняется к подоконнику, приготовив другую речь.

— Соня, фирма перезагружена. Долги твоего отца упакованы, структура оптимизирована. Я всё предусмотрел, место за тобой сохранилось. Ты должна радоваться.

— Под руководством Вероники?

— У неё опыт управления. Ты остаёшься в творческом направлении. Зачем тебе чужая работа? Цветами будешь заниматься, как раньше.

Он говорит слово «оптимизирована» и на секунду отводит глаза. Узнаю эту короткую заминку: так он отмалчивался, когда задерживал оплату поставщикам. Можно подбирать красивые слова сколько угодно — после них он всё равно смотрит в пол.

— Глеб. Покажи мне регистрационные документы.

— Соня, зачем...

— Покажи.

Он мнётся, но выкладывает всё: выписку, решение участника, заявление. «Ты понимаешь, что подпись поддельная?» Подношу лист к окну. Подпись отца там стоит — с такой подписью он сдавал мои школьные дневники, нажимая так, что продавливало три листа. Здесь росчерк старательно выведен, а привычного нажима нет. Человек, который рисовал её, копировал образец, останавливаясь на закруглениях.

— Докажи, — и вот оно, лицо, которое я почему-то три года не видела. Оно всегда было — отворачивалась сама, веря губам, произносившим «люблю», и пропуская всё остальное. — Соня. Месяцы юристов, суды, расходы, экспертизы. Месяцы. А у тебя — поручительство по папиным долгам. Тридцать два миллиона, ты в курсе, какая цифра? Ты хочешь потратить год жизни на доказательства или полететь завтра в Доху и работать? Свадебный контракт дома аль-Захиров — это твой уровень. Наш уровень.

Наш. Уже его. Он даже не замечает, что присваивает и это. Или замечает — и произносит нарочно, проверяя, сколько ещё стерплю.

— Ты знал, что он умирает, — опускаю бумагу на подоконник. — Ты приезжал в феврале. Он уже тогда...

— Не надо, — он обрывает себя; впервые за разговор торопливо глотает воздух, и от этого мне становится страшнее. — Не надо про папу. Я сделал, что мог. Фирма жива. Ты жива. Все живы.

Все живы. Папа — нет. Хорошая формула, Дорохов.

До вылета — сутки. На столе у Фаины Львовны, нашей бухгалтерши, которая держала кассу ещё при папином отце и плакала на похоронах так, что её уводили под локоть, — выездной договор. Читаю его трижды. Первый раз — как флорист: ищу сроки, объёмы, остальное пропускаю. Второй — как дочь человека, который учил меня: «Сонка, в договоре читай не то, что крупно». Третий раз — пункт за пунктом. На восьмом начинаю читать вслух, и от каждого слова холодеют пальцы:

— Все эскизы, концепции и права на творческие решения принадлежат исполнителю. То есть фирме. То есть Глебу. Он сможет передать их кому угодно, а мне останется собирать композиции по собственным рисункам под чужим именем? Даже те эскизы, которые рисовала для Дохи три недели? И те, что ещё не нарисовала?

— Фаина Львовна. Вы читали?

— Я бухгалтер, Софья Андреевна. Она сидит, положив кисти возле счётов; обычно костяшки щёлкают даже во время разговоров, сейчас молчат. «Я вижу цифры».

— И что в цифрах?

— Что ты не подписываешь — ты завтра не летишь. Что не летишь — не видишь заказчика. Что заказчик — это возможность, а возможности, девочка, у нас теперь... — она замолкает. — Пиши, — она подвигает договор, глядя на свои счёты. Она знает. Все знают. Все уже месяц знают, а мне приходится догадываться по дырочкам от кнопок. — Самолёт в шесть сорок.

Ручка тяжелее, чем должна быть. Свою, с гравировкой, забираю со стола, за которым теперь сидит Вероника: вот что смешно, собственную ручку вернуть удаётся, а фирму — нет.

Буквы выходят чужими — подписываюсь второй раз за три недели, и на этот раз хотя бы понимаю, что подписываю. Первой была доверенность на оформление поручительства, когда ещё думала, что оформляю папины «формальности».

Вечером сама собираю флористический ящик: секаторы, проволока трёх толщин, пинцеты, катушка шпагата, шприцы для орхидей, флористический воск, кусачки. Каждую вещь перекладываю в отцовский ящик, из светлого дерева, с выжженным цветком на крышке — он выжигал его паяльником у меня на глазах, мне было девять, я считала лепестки.

Рядом ставлю горшок с черенком гардении — последним живым черенком из отцовской оранжереи, который папа укоренял всю последнюю зиму, когда уже тяжело болел, но ещё много шутил: «Эта для тебя зацветёт, Сонка. Не в сезон». Он шутил, а сам вставал ночами проверять температуру. В шесть утра заставала его в оранжерее, в халате поверх пижамы, с градусником для почвы.

— Зачем он тебе в Доху? — Глеб стоит в дверях моей квартиры. У него ключ. Теперь этот ключ хочется вырвать и выбросить с балкона. — Это же груз, лишний вес, нервы.

— Он — мой.

— Соня...

— Глеб. Уходи. У меня сборы.

Он уходит не сразу. Стоит в дверях, на пороге моей жизни, в которую больше не вписывается, и мне почти — почти — его жалко. Потом говорит: «Ты пожалеешь, что не договорилась по-хорошему». После этой фразы засовываю ключ в замок: вот теперь слышу настоящего Глеба, без репетированных слов.

В аэропорту у стойки регистрации Вероника забирает у меня документы.

— На оформление виз, — она снимает тонкую дорожную перчатку; от свежего маникюра тянет ацетоном. — И ящик тоже. Все материалы компании — на учёт. Это протокол принимающей стороны, сама понимаешь, Ближний Восток, там строгие правила.

— Ты никогда не была на Ближнем Востоке.

— Я читала, — она даже не смущается. — Отдай паспорт, Соня, не устраивай сцену, тут люди.

— Глеб знает, что ты отбираешь у меня паспорт?

— Глеб, — она вздыхает, как над медлительным ребёнком, и в этом вздохе — вся иерархия их отношений, которую три года принимала за обычную работу. — И есть всё, что здесь происходит. Пойдём. Не опаздывай на посадку.

К контролю Вероника возвращает паспорт, а сразу после проверки снова забирает — к остальным бумагам. К выходу на посадку иду одна. В кармане пальто — телефон, на котором за границей останется только беспроводная сеть; горшок несу перед собой в открытой сумке, обложив свёрнутым шарфом. Его не забрали: «не материал компании». Черенок проскочил через рамку как ручная кладь, охранница — женщина с усталыми добрыми глазами — посмотрела на горшок, на меня, на Веронику, отходящую в дальний конец зала, и молча вернула мне лоток. Люди видят больше, чем говорят.

Сажусь у иллюминатора. Растение держу на коленях, поддерживая снизу, чтобы при взлёте не сдавить тонкий стволик.

Город уплывает вниз — серый, в маревой мгле, и где-то там, внизу, моя оранжерея, мои папки, моя подпись на чужой бумаге. Три года строила дом, которого теперь юридически не существует для меня.

Сосед по ряду — мужчина с газетой — косится на горшок.

— Цветок везёте?

— Да.

— Осторожнее, — он складывает газету и заглядывает мимо меня в окно. — Бывает, не приживаются на чужой земле.

Смотрю на черенок. Два листа, тугая почка, чуть липкая на ощупь — папа говорил, это хороший признак: растение живо.

— Ну что, пап, — шепчу в дрожащий иллюминатор, где за стеклом только белая вата облаков, — летим доказывать.

Глава 2. Золотая клетка

Доха бьёт жаром в лицо, как раскрытой духовкой. Воздух густой, тёплый, с солью и сладким цветочным запахом — тянет со стороны озеленённой дороги за аэропортом. Пока стою на трапе и дышу, керамика горшка нагревается под солнцем после прохлады самолёта. За время полёта на коленях остался круглый след от донышка, теперь тяжело распрямиться.

У трапа — длинные белые машины, возле них водители в белых одеждах. Первый же из них подхватывает мой горшок бережнее московских грузчиков: двумя ладонями, снизу, глядя на почку с любопытством человека, который видит этот цветок впервые в жизни.

— Это благословлённое растение, — произносит он по-английски, медленно, подбирая слова. — В моей деревне говорили: кто носит такой — тому дом ищет дорогу.

— Мне бы сейчас дорогу. Любую. Улыбнуться получается с трудом, но он терпеливо ждёт и моего ответа, и улыбки.

Он улыбается в ответ и несёт горшок до самой машины, а там ставит рядом со мной. Шарф подтыкает под донышко, чтобы по дороге растение не опрокинулось.

Нас привозят во дворец аль-Захиров на первой линии залива: белые стены, вода так близко, что кажется, её налито вокруг фундамента, и в полдневном свете дворец и залив — одно бело-серебряное целое. У Фатимы, распорядительницы, седина в чёрных волосах, заплетённых в толстую косу. Говорит звучным, низковатым голосом. Таким разбудишь даже человека, всю ночь собиравшего букеты. Она встречает нас у входа в свадебную мастерскую — длинное помещение с выходом в оранжерею, столы вдоль стен, запах эвкалипта и свежеструганого дерева.

— Материалы, — она листает планшет, проводя пальцем по строчкам медленно, при каждом пункте поднимая глаза: сначала на список, потом на нас. — Прошли учёт. Редкие позиции — на карантине, фитосанитарный контроль. До смотра четыре дня.

— Они всё это время будут закрыты? Невольно делаю шаг к столам: там уже стоят вазы, а вазы нужно чем-то заполнить.

— Срок уточняют. Пока доступа нет.

До решающего смотра перед семьёй заказчика — четыре дня, до свадьбы одиннадцать, а мои орхидеи, мои монстеры, та партия ванильных орхидей, на которой держится вся концепция — весь воздушный, дымчатый, дышащий первый план, — заперты в чужом складе, где пока даже проверить, хватило ли им влаги в дороге, нельзя. Каждый час на счету, а передо мной кладут опись вместо растений. Попробуй собери букет из подписанных строчек.

— А эскизы? — спрашивает Вероника сладко. Она уже сменила дорожный костюм на что-то шёлковое, золотисто-персиковое, и водит планшетом, как скипетром. За несколько часов перелёта она успела и поспать, и освежиться; мне достались затёкшие колени и воротник, липнущий к шее.

— Эскизы предоставлены исполнителем при подписании, — говорит Фатима.

— Всё передано, — Вероника разворачивает планшет к распорядительнице. На экране — мои работы. Мои. Эскиз входной арки с пудровой гортензией, который рисовала три ночи, засыпая с карандашом, — там справа на поле осталась моя пометка: «проверить натяжение», стёртая не до конца. — Концепция моя, я старший креативный директор дома.

Фатима смотрит на эскизы. Потом переводит взгляд на меня и ждёт. Успеваю набрать воздух и приготовиться ответить за свою работу.

— А вы?

— Выполняю работы. По договору. Голос держится, хотя большой палец до боли упирается в застёжку сумки. Получается произнести всё разборчиво, и за это сейчас можно собой гордиться.

— Персонал сопровождения, — подхватывает Вероника. — Софья хорошо держит инструменты. Правда, Соня?

В горле стоит что-то тяжёлое и горячее. Киваю: в бумагах за мной закреплён этот унизительный статус. Ссориться здесь, на глазах у распорядительницы заказчика, — значит в первый же день лишиться контракта. Тогда и три ночи с карандашом, и надежда расплатиться с тридцатью двумя миллионами пропадут; от папиного дела останется только табличка с фамилией Глеба. Приходится кивнуть ещё раз и выдавить улыбку. Щёки от неё сводит, как от незрелого яблока, а Вероника уже поворачивается к следующему сотруднику.

Вечером первый предварительный просмотр: в малом зале собираются близкие дома, менеджмент, две старшие женщины семьи — в чёрном, с серебром, неподвижные, как две статуи у стены. Вероника в золотом — при каждом уточнении цепляет ногтем застёжку на шее, похоже, боится вопросов. Раскладывает мои эскизы, прижимает планшет к груди, затем поворачивает к слушателям.

— Здесь важно моё видение всей свадьбы. Авторская методика крепления позволяет сохранить структуру и дыхание пространства. У каждого цветка своя роль, вся композиция — одно повествование. Смотрите на входную арку: гортензия задаёт первый план, дальше пространство открывается.

Мои три ночи разговаривают чужим голосом.

Проходя мимо, она вполголоса, одними губами: «Сиди красиво, Соня. Ты — руки. Я — голова. Так в договоре».

Так в договоре. Моей подписью. Разворачиваю стакан с водой на подносе на четверть оборота — маленькое дело рук, которое пока единственное моё.

Дальше по залу идут люди. Женщина в чёрной абайе с нитями серебра — молодая, но держится старше, и в глазах усталость, которой не место в её возрасте, — останавливается у эскиза с гортензией. Долго смотрит. Держит кисть над бумагой, так и не касаясь её.

— Кто автор? — спрашивает она. Голос негромкий, но зал слышит.

Вероника делает шаг вперёд — замечаю боковым зрением, как она поворачивается к свету и приподнимает подбородок, готовясь представиться.

В этот миг у входа стихает разговор. Следом замолкают возле окна; мужчина, объяснявший что-то управляющему, оставляет фразу на полуслове. Входит человек в тёмном, лет тридцати пяти. Гости торопливо освобождают проход, убирая чашки и отступая к стене. Соседка толкает меня локтем: «Шейх Джассим. Брат невесты. Холдинг». Три пояснения, а сказано всё.

Он идёт вдоль эскизов, и все говорят тише, а он не говорит вовсе. У каждого эскиза — пауза. У арки с гортензией пауза длиннее.

— Крепление на стыке, — он останавливается у рисунка и, слегка наклонив голову, произносит без вопросительной интонации, — грузовое. Не авторское.

Сжимаю стакан, едва удержавшись от кивка. Он прав. Рисовала авторское — витое, на воске, — но мы адаптировали под «как проще доставить». Вероника настояла. «Никто не заметит», — сказала она тогда.

— Это адаптация, — Вероника улыбается, — для влажного климата.

Он оставляет её ответ без внимания. Вероника продолжает улыбаться, ожидая его оценки. Но он уже смотрит поверх её плеча — на меня, на мои кисти возле стакана; при нём стыдно становится за каждый заусенец. У меня пальцы флориста: заусенцы от проволоки, тёмный след шпагата на указательном, свежий порез от секатора — вчера утром, когда подрезала стебли для пробы. Прячу их под стол с опозданием: шейх уже всё заметил.

— А флорист у вас есть? — спрашивает он у зала. — Настоящий.

Тишина. Вероника открывает рот. И тут делаю полшага вперёд, сама ещё не зная, что скажу: накопились усталость, злость, ночь без сна и тревога за горшок, который всю дорогу берегла, как папино поручение.

— Гардения не цветёт в этом сезоне.

— При чём здесь гардения? — кто-то из менеджеров хмурится.

— Ни при чём. Начните с вопроса, который стоит задавать флористу: какой сейчас сезон. Всё остальное — привозное, выгнанное, приклеенное. А вы обсуждаете, кто носит эскизы. Носить эскизы может любой. Разобраться с сезоном — работа флориста.

Теперь женщина с чашкой возле двери поворачивается ко мне, управляющий опускает планшет. Кто-то переглядывается. Старшие женщины у стены не переглядываются: они смотрят прямо на меня, обе сразу.

И тогда он — впервые за весь вечер — оборачивается на меня полностью. Тёмные глаза, слишком спокойные. Под этим внимательным взглядом хочется отступить за стол, но остаюсь на месте. Он ждёт, даст ли «персонал сопровождения» задний ход, и, кажется, ему интересен ответ. Выдыхаю медленно, чувствуя прохладу стакана сквозь тонкую юбку.

— Завтра утром, — произносит он вполголоса; управляющий возле меня сразу подбирается, — в мастерской. Один вопрос каждому. Свободны.

Глава 3. Личный контракт

Ночью сижу в отведённой мне комнате на женской половине — маленькой, чистой, с видом на внутренний двор. Там плещется фонтан; под этот звук через открытое окно получается хотя бы разжать плечи. На подоконнике — мой горшок, водитель донёс его сюда лично и поставил у окна, отдельно от общего груза. Черенок держится. Почка наливается, светло-зелёная, как обещание.

В дверь стучат. Фатима, в руках — поднос: маленький стакан чая с мятой, три финика на листе, тёплый плат, ещё пахнущий сушилкой.

— В этом доме, — говорит она, ставя поднос, — за руки не платят. Но руки замечают.

— Чьи руки?

Она смотрит на мои порезы и следы шпагата, и уголки её глаз морщатся.

— Посмотрим на смотрах, детка. Посмотрим. Ешь финики. Горькое — потом.

Утром за мной приходит молчаливый водитель — тот, что нёс горшок; кивает как знакомой. До смотра три дня, до свадьбы десять: нужны цветы. Вместо «опроса персонала» в служебном флигеле меня ведут в глубь дворца — коридор с арками, где шаги глохнут в камне, потом дверь, из-за которой тянет прохладой и эвкалиптом.

Дворцовая мастерская. Столы из цельного дерева, залитые утренним светом из высоких окон, стеллажи с невиданным даже в каталогах инструментом — ножи с тёмными деревянными рукоятями, медные катушки, проволока всех калибров в подписанных ячейках. И в дальнем конце — стеклянная стена, за ней зелень оранжереи: глубокая, старая, ухоженная зелень, какой не бывает у казённых растений.

Шейх Джассим стоит один у стола. На столе — папка и вода, рядом два стула. Он ждёт, пока отодвигаю стул напротив папки. Сажусь, и только тогда он садится сам. Выпрямляюсь: хочется говорить на равных, хотя приходится сцепить колени.

— Вы сказали вчера, что флористу стоит задавать один вопрос, — говорит он. — Сезон. Теперь мой вопрос к вам. Какой сейчас ваш сезон?

Поднимаю на него глаза. Можно ответить красиво, про зиму перед весной. Можно пожаловаться — на карантин, на украденные эскизы, на паспорт, который «на оформлении» у женщины с ацетоном на ногтях. Можно выложить всё — и ждать вежливого распоряжения «разобраться».

— Пока всё стоит, — отвечаю ему. — Даже цветы заперты на складе. Прилетаю в чужую страну без имени, мои эскизы носит по залу человек, который их не рисовал, а мне оставляют право держать инструменты. Это мой сезон. Но.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.